

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Виктория КУРЗОВА,

кандидат юридических наук, доцент, докторант
Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

Summary

This article deals with the theoretical study of international legal regulation in the sphere of ensuring the regime of non-proliferation of biological weapons in the context of the Geneva Protocol and the Convention on the prohibition of the development, production and stockpiling of bacteriological (biological) and toxin weapons and on their destruction. Based on the analysis of legal literature and the mentioned international agreements, discusses the main challenges, achievements and deficiencies to ensure compliance of the mode.

Key words: biological weapons, biological agents, weapons of mass destruction.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование международно-правового регулирования в сфере обеспечения режима нераспространения биологического оружия в контексте Женевского протокола и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. На основе анализа юридической литературы и указанных международных соглашений рассматриваются основные проблемы, достижения и недоработки по обеспечению выполнения соответствующего режима.

Ключевые слова: биологическое оружие, биологические агенты, оружие массового уничтожения.

Постановка проблемы. XXI век внёс в мировое сознание переоценку всевозрастающих, принципиально новых угроз человечеству, среди которых особенное значение приобретает роль биологического оружия, которое относится к числу одного из самых страшных средств уничтожения, созданных человечеством на протяжении своего исторического пути. Как отмечает американский микробиолог К. Алибек (он же бывший полковник Советской Армии): «В случае его применения не выживет никто» [1]. Именно поэтому, отстаивая свое природное право – право на жизнь, народы мира вправе надеяться на то, что XXI в. станет веком переломным, который ознаменуется победой гуманизма над злом войны и человеческих страданий. В достижении этой победы многое зависит от обеспечения эффективности режима нераспространения биологического оружия (далее – БО) с целью создания надежного заслона от опасности разработки, производства и применения такого вида оружия, что и актуализирует необходимость пересмотра международного законодательства в указанной сфере отношений.

Актуальность темы исследования подтверждается недостаточной степенью раскрытия этой проблемы в юридической науке.

Состояние исследования. Научные исследования по проблеме обеспечения режима нераспространения

БО проводились многими отечественными и зарубежными учеными различных отраслей науки (экономики, права, медицины, философии, военного дела и др.). Однако в украинской науке, особенно юридической, наблюдается недостаток исследований по указанной тематике. На некоторые проблемные вопросы биобезопасности, в т.ч. в отношении БО, указывают в своих работах В.Г. Андриенко, В.И. Курило, В.А. Липкан, П.В. Хотенец, В.М. Щербак и др. Фундаментального же научного исследования, в котором бы системно и комплексно рассматривались проблемы правового обеспечения режима нераспространения БО, до настоящего времени не проводилось.

Целью статьи является анализ международного законодательства по обеспечению режима нераспространения БО. Исходя из поставленной цели, **задачей исследования** будет попытка выявить достижения и недостатки международно-правового регулирования в указанной сфере и определить возможные пути его усовершенствования.

Изложение основного материала исследования. Прежде всего, следует отметить, что из оружия массового уничтожения (далее – ОМУ) БО по своим тактическим признакам и средствам применения – это, пожалуй, самое опасное и разнообразное оружие, которое является наиболее доступным и вероятным для приме-

нения. Запрещение на применение БО основывается, прежде всего, на неизбирательном характере его действия. БО поражает только живую материю. Оно состоит из живых организмов, способных размножаться и выделять токсины, поражающие людей, животных и растения. По словам американского сенатора Р.Дж. Лугара, изготовить БО гораздо проще, чем ядерное оружие, и даже грубые методы могут спровоцировать ужас и хаос [2].

На опасность, исходящую от БО указывается в Декларации о химическом и биологическом оружии, принятой 42-й Всемирной Медицинской Ассамблеей (1990 г.) [3]. Так, осудив разработку и использование средств БО, Всемирная Медицинская Ассоциация (далее – ВМА) призвала правительства всех стран мира отказаться от его разработки и использования.

Основными источниками правового регулирования в этой области являются: ст. 23 Положения к 4-ой Гагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18.10.1907 г. [4] относительно запрета на применение яда и отравленного оружия, влекущего излишние страдания, что является логическим следствием на запрещение БО; Женевский протокол о запрещении применения в войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17.07.1925 г.) [5]; Конвенция ООН о запрещении разработки, производства и накопления запасов бак-

териологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Москва – Лондон – Вашингтон, 10.04.1972 г.) (далее – КБТО) [5]; ст. 2 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (Женева, 10.12.1976 г.) (далее – КВПС) [6].

Обращаясь к страницам истории относительно вопроса становления правового режима нераспространения БО, отметим, что после окончания Первой мировой войны, реагируя на шок, вызванный ужасающими последствиями использования БО, многие государства прибегли к дипломатическим мерам по предотвращению распространения ОМУ и возможности его применения. Этой проблеме было уделено особое внимание на Конференции по разоружению, которая состоялась в 1991–1992 гг. в Вашингтоне [7], а затем на пленарных заседаниях Ассамблеи Лиги Наций, которая осудила биологическую войну. В дальнейшем под эгидой Лиги Наций в Женеве была созвана международная Конференция по ограничению вооружений и запрещению применения отравляющих газов воюющими сторонами (04.05.1925 г. – 17.06.1925 г.) [8]. Итогом этого форума стало принятие Женевского протокола о запрещении применения в войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств [5]. Этот Протокол подписан 17.06.1925 г. и вступил в действие 08.02.1928 г. Его депозитарием является Франция. Изначально Женевский протокол подписали 28 стран. На сегодня же его требований придерживаются 139 государств-участников. Однако важно отметить тот факт, что США, хотя и подписали Протокол непосредственно после его принятия, ратифицировали этот документ только в 1975 г. после ратификации КБТО [9]. Советское правительство подписало Женевский протокол еще в 1926 г., однако ратифицировало его лишь 05.04.1928 г. [10]. Несмотря на это, в СССР продолжали активно вестись работы по разработке БО для ведения войны, причем не только с оборонной, но и с наступательной целью [11]. Кроме СССР, исследовательские военные программы по созданию БО и защиты от него

вели также США, Франция, Италия, Германия, Великобритания, Япония и др. Особенно широкомасштабные исследования по разработке БО и эксперименты по его боевому применению проводились в период 1930–1943 гг. [12; 13]. И это не удивительно, поскольку Женевский протокол существенно не сдержал разработку БО и не дал радикального решения проблемы ограничения его использования. Дело в том, что изначально этот международный документ не содержал положений по контролю его соблюдения. Кроме того, несмотря на свою чрезвычайную важность, Протокол устанавливает юридический запрет только на применение (использование) БО во время войны, однако не предусматривает запрета на разработку, производство и накопление бактериологических арсеналов такого оружия, не лимитирует его изучение и владение.

К тому же многие страны (Великобритания, Китай, Франция, СССР и др.) ратифицировали Женевский протокол с оговорками, оставляя за собой право ответить адекватно в случае нападения на них с использованием БО, а также выполнять его положения только по отношению к государствам, которые его подписали и ратифицировали или окончательно присоединились к нему. Наличие подобных оговорок, по сути, нивелировало сущностную сторону международного соглашения и не остановило страны в развитии военно-биологического потенциала. К настоящему времени многие страны уже сняли оговорки к Женевскому протоколу. Это Великобритания, Испания, Нидерланды, Канада, Франция, ЮАР и др. Россия заявила об отказе от оговорок к Женевскому протоколу в части, касающейся использования БО в качестве ответной меры, в 1992 г. после распада СССР [14], однако официально сняла их лишь в 2000 г. [15]. Украина об отказе от соответствующих оговорок не заявляла, хотя и является участником Женевского протокола как правопреемник СССР. До настоящего времени также не сняли свои аналогичные оговорки и США. Однако отметим, что государства, которые ратифицировали Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления

запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.), взяли на себя обязательства не разрабатывать, не накапливать, не приобретать и не сохранять БО, что, собственно, и исключает применение такого вида оружия при любых обстоятельствах. Следовательно, оговорки к Женевскому протоколу государств-участников КБТО потеряли свое значение (такое понимание формализовано в Заключительной декларации IV Конференции по рассмотрению действия КБТО (Женева, 25.11.1996 г. – 06.12.1996 г.)) [16].

Несостоятельность Женевского протокола как основного международного ограничителя по возможному применению БО послужила основным стимулом для разработки нового международного документа, который бы запретил не только применение, но и разработку БО. Переговоры о необходимости принятия такого договора начались в конце 1960-х гг. и вскоре на 26-й сессии ГА ООН под давлением большинства стран ООН была принята и одобрена для подписания Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Конвенция открыта для подписания 10.04.1972 г. (Резолюция ГА ООН № 2826 от 16.12.1971 г.) [5]. Страны-депозитарии: Россия (до 1992 г. – СССР), США, Великобритания.

КБТО является первым и пока единственным многосторонним соглашением, которое поставило БО вне закона в любом его проявлении. Конвенция: 1) запретила, ни при каких обстоятельствах, разрабатывать, производить, накапливать, приобретать каким-либо иным образом и сохранять: микробиологические или другие БА или токсины, каково бы то ни было их происхождение или способ производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей; оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах (ст. 1 КБТО); 2) обязала стран-участниц уничтожить запасы БО

(ядовитых веществ, токсинов, оружия, оборудования и средств доставки), находящихся в распоряжении государств-участников, или их переназначение для мирного использования в течение девяти месяцев после вступления ее в силу (ст. 2 КБТО).

Естественно, все государства быстро отчитались, вернее, заявили, что у них нет запасов БО. В определенной мере этому можно верить, потому что, по своей сути, БО – это «живое оружие». Следовательно, выполнить требование Конвенции по уничтожению запасов БО было довольно просто, поскольку можно было просто не проводить замену того, что уже существовало, а остальное само по себе бы «умерло». К тому же КБТО не требовала уничтожения всех имеющихся запасов БО, а разрешила «переключать» их на мирные нужды в течение 9 месяцев после подписания.

В то же время следует отметить, что хотя КБТО и определяет основные принципы международного режима нераспространения БО, однако формы контроля по соблюдению её режима весьма ограничены, что снижает результативность её действия. Слабость КБТО заключается в том, что невозможно проверить, соблюдает ли страна условия договора, который она подписала, или нет. Следовательно, невозможно и применение санкций за нарушение требований Конвенции. Кроме того, существенным недостатком КБТО является то, что она не учредила специализированной международной организации по контролю за выполнением ее положений. Противоречивы также и положения ст. 13 КБТО, которая предусматривает возможность выхода участника по Конвенции в случае, если продолжение участия в ней угрожает его высшим интересам, что противоречит самой сути Конвенции.

Существуют и другие недостатки в Конвенции, что позволяет определённым странам продолжать работу в направлении создания БО.

Во-первых, как уже отмечалось, КБТО не даёт четкого определения понятия «биологическое оружие» и других основополагающих понятий, таких как «биологический агент» и «биологический терроризм», без чего невозможно осуществлять контроль и

объективно оценивать его результаты. На международном уровне существует ряд документов, которые частично заполняют этот пробел. В первую очередь это Женевский протокол (1925 г.), в котором для терминологического определения БО используется понятие «бактериологические способы ведения войны». Однако следует заметить, что применение БО в период военных действий не может считаться биотерроризмом, равно как и аварии на складах БА и секретных заводах, а также и бытовые преступления, и инфекционные заболевания, вызванные нарушением медиками и биологами правил техники безопасности и др. несчастные случаи.

К тому же ст. 1 КБТО определяет БО через призму количества и цели. Действительно, такая квалификация БО позволяет Конвенции оставаться актуальной даже с учетом шагнувшего далеко вперед биотехнического прогресса. Однако не исключено, что в будущем, при квалификации нарушений КБТО, могут возникнуть проблемы, связанные со стремительным развитием биологических наук, их конвергенцией и возможностью двойного применения. Дело в том, что предусмотренные в Конвенции ограничения зафиксировали ситуацию с БО, которая существовала на момент ее подписания. Следовательно, под действие КБТО не подпадает разработка, производство и применение нового поколения БО, факторами риска которого являются интенсивное развитие биотехнологий, генной инженерии, молекулярной биологии, методов клонирования и т.п. В перечень нового перспективного БО следует также включить и нано-оружие. Например, на создание искусственных биологических нано-объектов, способных программироваться на генетическом уровне и выполнять целевые команды, ориентирована биологическая программа Пентагона DARPA «BioDesign» [17]. Таким образом, постоянное совершенствование и накопление запасов нового поколения БО диктует необходимость создания соответствующих норм, запрещающих производство и хранение такого оружия.

Следует также отметить, что хотя в тексте КБТО «прямо» и не упоми-

нается о насекомых, которые могут использоваться в качестве энтомологического БО, исходя из содержания ст. 1 КБТО, использование биологических векторов на основе насекомых – запрещено. Вместе с тем вопрос менее ясен в отношении незараженных насекомых, которые могут также быть использованы в качестве БО против сельскохозяйственных культур. Это положение требует уточнения в части соответствия со ст. 2 КВПС (1976 г.) [6].

Во-вторых, КБТО не даёт четкого разграничения между деятельностью в военных и мирных целях, что, в принципе, позволяет сохранять запасы БО и осуществлять работы по его совершенствованию, декларируя их в качестве деятельности по биозащите. В частности, устанавливая странам-участникам абсолютный запрет на разработку, производство, накопление, хранения, применения и/или приобретения БА, которые могут быть использованы в качестве БО, КБТО не запрещает проводить под международным контролем исследования БО исключительно с целью профилактики и защиты.

В-третьих, статья 3 КБТО устанавливает обязанность государств не передавать кому бы то ни было ни прямо, ни косвенно технологий по разработке БО и методов его боевого применения. В то же время КБТО не устанавливает запрет на предоставление в любой форме помощи государству, группе государств или международной организации в производстве или приобретении каким-либо иным способом БА, токсинов, оружия, оборудования или средств доставки, указанных в ст. 1 КБТО. Из этого следует, что передачу соответствующих технологий, подпадающих под запрет КБТО, возможно осуществлять как одну из форм оказания помощи. В связи с этим представляется целесообразным включить такой запрет непосредственно в текст КБТО, а не использовать его «по умолчанию».

В-четвертых, согласно ст. 7 КБТО государство-участник обязуется в соответствии с Уставом ООН предоставлять или поддерживать помощь участнику, который подвергся опасности в результате нарушения Конвенции. А согласно ст. 6 КБТО государство-

участник обязуется сотрудничать в проведении любых расследований, которые могут быть приняты Советом безопасности ООН (далее – СБ ООН) в ответ на мотивированную жалобу о нарушении Конвенции. При этом, позволяя проводить контроль на оборонных или государственных предприятиях, КБТО не предусматривает возможности наблюдения за коммерческими структурами, хотя именно в частных структурах и идет, наиболее вероятно, активная разработка биотехнологий. Такое положение вещей обуславливает необходимость разработки государственными и международными органами системы мер контроля, которые были бы направлены на предупреждение теневого (криминального) использования биотехнологий. В этом направлении особое значение приобретает деятельность Интерпола в сотрудничестве с национальными бюро.

Относительно этого вопроса заметим, что в конце 1980-х гг., с целью обеспечения контроля над режимом нераспространения БО, был разработан и введен в действие международный институциональный механизм расследования случаев предполагаемого применения БО [18]. Так, согласно Резолюции ГА ООН № 42/37С от 30.11.1987 г. [19] Генеральный секретарь ООН наделялся полномочиями проводить процедуры расследования вероятного применения БО в нарушение соответствующих норм международного права. Для реализации указанных полномочий была определена группа квалифицированных экспертов. С 1988 г., согласно Резолюции СБ ООН № 620 от 26.08.1988 г. [20], Генсек ООН в дополнение наделялся полномочиями оперативно направлять на просьбу любого государства-члена ООН миссии экспертов для проведения расследования на месте случаев применения БО, о результатах которых он должен информировать все государства-члены ООН. Кроме того, Генсеку было предоставлено право на проведение консультаций с любым государством-членом ООН по вопросам, касающимся возможного применения БО. А в 1989 г. Женевский протокол «де-факто» был дополнен положениями о международном контроле по соблюдению его норм и приме-

нению мер в ответ на их нарушения. Основные принципы и специальные процедуры расследования сообщений о случаях нарушений Женевского протокола изложены в документе ГА ООН № А/44/561 от 04.10.1989 г. [21] и утверждены Резолюцией СБ ООН № А/RES/45/57 от 04.12.1990 г. [22]. Однако почти до 2006 г. эти принципы не пересматривались, и лишь в сентябре 2006 г. Резолюция ГА ООН № А/RES/60/288 от 20.09.2006 г. [23] призвала Генсека ООН обновить список экспертов и лабораторий, а также технические руководящие принципы и процедуры по расследованию случаев предполагаемого применения БО.

Однако следует отметить, что за весь период действия КБТО ни одно государство не заявило о владении БО, а также не обратилось в ООН с просьбой о расследовании фактов применения и/или угрозы применения БО либо о расследовании других ситуаций, имеющих прямое или косвенное отношение к БО и/или нарушению конвенционных обязательств. Тем не менее, как свидетельствуют публикации в средствах массовой информации (далее – СМИ), после подписания КБТО в разных странах были отмечены вспышки разного рода эпидемий и даже использование биологических веществ в террористических или диверсионных целях. В связи с этим, учитывая сложность и неоднозначность этой проблемы, следует подчеркнуть на необходимость исследования реальных фактов на основе достоверных научных данных, оставив в стороне эмоциональный порыв, поскольку материалы, публикуемые в СМИ по проблеме БО и преподносимые как сенсация, не выдерживают критики.

Практически, все вышеперечисленные вопросы уже неоднократно обговаривались на обзорных конференциях по рассмотрению действия КБТО, которые проводятся раз в пять лет в Женеве, на встречах экспертов и ежегодных встречах государств-участников КБТО. Однако за период действия Конвенции государства-участники так и не пришли к согласию, так как различия в подходах стран-участниц КБТО не позволяют решить эту сложную проблему. Соответственно, до сих пор не выработано

достаточно адекватных и эффективных мер контроля по соблюдению режима нераспространения БО и выполнению договоренностей. Так, все больше превращаясь в глобальный научный форум, не способный решить основополагающие вопросы по её верификации и универсализации, на фоне кардинальных изменений геополитической и военно-технической ситуации в мире, КБТО по многим позициям становится «военно-биологической утопией».

Кроме того, в последнее время всё чаще делаются попытки «размывания» режима КБТО путём приписывания несвойственных ей функций в части противодействия инфекционным заболеваниям и биотерроризму, что не является предметом рассмотрения в рамках КБТО. Безусловно, в контексте обеспечения биобезопасности ставить под сомнение важность таких вопросов не позволительно, однако этими проблемами активно занимаются другие международные организации и форумы. Что же касается КБТО, то её основная цель – не допустить реинкарнации БО в каком бы то ни было виде.

Выводы. В заключение следует отметить, что на рубеже XX и XXI вв. государствами предприняты значительные усилия в деле ограничения и запрещения применения БО. Одним из главных достижений КБТО является признание разработки БО неприемлемым, в том числе странами, которые не приняли эту Конвенцию. Поэтому, несмотря на многочисленные её недостатки, КБТО остаётся ключевым инструментом в системе поддержания международной безопасности и глобальной стабильности. В то же время отсутствие каких-либо перспектив по укреплению режима КБТО, её имплементации и универсализации обуславливает необходимость разработки новых международных соглашений (конвенций), в рамках которых должны решаться вопросы: контроля и надзора в сфере бионаучных и биотехнологических исследований в целях предотвращения появления нового поколения БО (этнического, генетического, нано-оружиях и т.д.); борьбы с биотерроризмом при активном содействии Интерпола и соответствующих национальных спецслужб и др.

В этом контексте нельзя забывать Женевский протокол (1925 г.), ведь это единственный международный документ, который прямо запрещает применение БО. Однако некоторые государства-участники КБТО, как и раньше, сохраняют оговорки, что вызывает беспокойство, поскольку под этим можно понимать возможность применения БО. Именно поэтому все страны, в которых сохраняются оговорки к Протоколу, должны снять их в официальном порядке.

Список использованных источников:

1. Биологическое оружие : за завесой секретности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svpressa.ru/post/article/92039/>.
2. Report R.J. Lugar // The Washington Times Press digest. – 10.04.2015 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.inopressa.ru/washtimes/2008/07/18/12:53:17/lugar>.
3. Декларация о химическом и биологическом оружии (Ранчо Мираж, Калифорния, США, октябрь 1990 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://npa.iplex.com.ua/doc.php?uid=1014.3031.0>.
4. Действующее международное право : в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – Т. 2. – М. : МНИМПИ, 1997.
5. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – 1977. – Вып. 21.
6. Резолюция ГА ООН № 31/72 от 10.12.1976 г. // UN Treaty Series. – Vol. 1108. – I-17119.
7. Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и Тихоокеанским и Дальневосточным вопросам 1921–1922 гг. / пер. А.В. Сабанин ; вступ. ст. Л.Е. Берлин. – М. : Литиздат НКВД, 1924. – 142 с.
8. Рожнятовский Т. Биологическая война. Угроза и действительность. / Т. Рожнятовский, З. Жултовский ; пер. с польск. – М. : ИИЛ, 1959. – 332 с.
9. Калинина Н.И. Международные и национальные проблемы биологической безопасности и перспективы их решения : [монография] / Н.И. Калинина. – М. : ИМЭМО РАН, 2012. – 310 с.
10. Декларация о присоединении СССР к Протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17.06.1925 г.) // СЗР РКП СССР. – Отд. 2. – 1928. – № 35. – Ст. 145. – С. 947–953.
11. Fedorov L.A. Soviet Biological Weapons : History. Ecology. Politics. / L.A. Fedorov. – М. : URSS, 2013. – 88 p.
12. Пикаев А.А. Международные обязательства по запрещению биологического оружия : [тезисы лекции] / А.А. Пикаев. – М. : ЦИПРЭЭ при МФТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.armscontrol.ru/course/lectures06a/>.
13. Калинина Н.И. Конвенция о запрещении биологического оружия. История появления и современное состояние : [тезисы лекции] / Н.И. Калинина. – М. : ЦИПРЭЭ при МФТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.armscontrol.ru/course/lectures05>.
14. Дипломатический вестник. – 1992. – № 13–14.
15. Федеральный Закон от 06.12.2000 г. № 143-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sbornik-zakonov.ru/158714.html>.
16. Дипломатический вестник. – 1997. – № 3. – С. 25–34.
17. Герасименко А. «BioDesign» : бессмертные организмы для военных целей / А. Герасименко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.3dnews.ru/586732>.
18. Механизм Генерального секретаря по расследованию предполагаемого применения химического и биологического оружия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/disarmament/WMD/Secretary-General_Mechanism/.
19. Resolution UNO GA 42nd session RES/42/37 [A-C] (30.11.1987 – A/42/PV.84) [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.un.org/ru/ga/42/docs/42res>.
20. Resolution UNO GA S/RES/620 (26.08.1988 – S/PV.2825) [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/198>.
21. UNO GA 44/561 Annex I (04.10.1989) [Electronic resource]. – Access mode : http://www.un.org/disarmament/WMD/Secretary-General_Mechanism/.
22. Resolution UNO GA A/RES/45/57(A-C) 04.12.1990 – A/45/PV.54 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.un.org/ru/ga/45/docs/45res>.
23. Resolution adopted by the GA 08.09.2006 (without reference to a Main Committee (A/60/L.62)) 60/288 // The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy [Electronic resource]. – Access mode : <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/88/>.